

DOI: 10.7868/S0869587315050175

ВКЛАД АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

А.А. Тишков

География, исследуя меняющийся мир, способна не только прогнозировать позитивные и негативные сдвиги в развитии природы и общества, но и корректировать их [1]. В 1941–1945 гг. перед страной остро стояли проблемы обеспечения армии и тыла достоверной географической информацией. Институт географии АН СССР с первых месяцев войны активно включился в обеспечение фронта и тыла военно-географическими данными и специальными картами [2–7]. Выполнялся важный социальный заказ общества — создавались условия эффективного вовлечения территории страны и её стратегических ресурсов в дело Победы. Инновационная и интеграционная составляющие науки проявлялись в период войны не в приращении теории и технологий, а в значительной степени благодаря сложившемуся до войны единству географической науки, комплексному характеру её исследований и тесному взаимодействию её физического и экономико-географического “крыльев”. В условиях мобилизации всех ресурсов максимально использовался ландшафтный подход, позволявший оперативно проводить картографический синтез для воспроизводства военно-географических сюжетов.

Из великих испытаний академическая география вышла с честью, что отмечалось в том числе на страницах “Вестника АН СССР” [4, 5, 8]. Оперативность и способность географической науки быстро мобилизоваться для выполнения в трудные периоды социального заказа, задач, выдвига-

емых государством, в полной мере проявились в годы Великой Отечественной войны.

Информационную базу представленного здесь исследования составили многочисленные публикации географов, в том числе непосредственно участвовавших в работах Института географии АН СССР в период войны [9–13], отчётные материалы Института географии АН СССР за 1941–1943 гг. [14], а также воспоминания сотрудников института [15].

Перечень работ, выполненных коллективом Института географии в годы войны [14] включает следующие информационные материалы, в которых представлены итоги работы его сотрудников, в частности Алмаатинской и Московской групп, привлечённых специалистов других академических институтов, а также специальной военно-картографической группы под руководством профессора И.П. Герасимова, созданной при СОПС, но располагавшейся в Институте географии.

1. Работы по мобилизации ресурсов тыловых районов на нужды обороны, в том числе: работы экспедиции по изучению и мобилизации земельных ресурсов Казахстана; работы по выявлению возможностей производственного развития населённых пунктов восточных районов СССР; работы Карагинской экспедиции (полуостров Мангышлак); работы Талгарской экспедиции.

2. Материалы по восстановлению хозяйства районов, пострадавших от войны. Донецкий бассейн.

3. Военно-географические описания, в том числе: справочники для Военно-воздушных сил Красной армии; описания отдельных территорий районов СССР и фронтов; описания зарубежных стран; материалы для военно-географических справочников.

4. Военно-климатические описания.

5. Работы по снегу.

6. Географическое дешифрирование аэрофотоснимков.

7. Специальные военно-географические и физико-географические карты и методика их составления.

ТИШКОВ Аркадий Александрович — доктор географических наук, заместитель директора Института географии РАН. tishkov@biodat.ru

8. Работы общегеографического характера и диссертации.

9. Научно-популярные работы.

10. Справочные работы.

К “Списку...” [14] в отдельном конверте приложена таблица от 31 декабря 1943 г. с грифом “не подлежит разглашению”, многократно правленная чернилами. В ней представлены данные об общем количестве подготовленных за два года и три месяца документов и карт. Содержание таблицы частично воспроизводилось и анализировалось [7], но в данном случае следует привести её итоговые цифры:

- количество названий подготовленных документов — 141,
- объём подготовленных документов — 1032 печатных листа,
- количество подготовленных карт — 866, в том числе по мобилизации ресурсов — 473, специальных военно-географических — 383.

Анализ этих и других архивных материалов, а также комментарии и воспоминания участников работ публиковались неоднократно [2, 4–7, 10, 12, 13, 16–18]. Однако сопоставление этих работ позволяет говорить о некоторой тенденциозности в освещении событий, попытках преувеличить роль одних их участников и принизить других. Зачастую чувствуется нежелание авторов статей писать о методологических основах географических изысканий периода войны.

Речь идёт о разгромленном ещё в 1930-х годах отраслево-статистическом направлении экономической географии В.Э. Дена. Борьба с “деновщиной”, политический ярлык которой — “анти-советские построения геттнерианцев”, продолжалась вплоть до начала войны. В то же время можно уверенно говорить о скрытом (без ссылок) использовании в период войны страноведческой и хорологической концепции А. Геттнера в виде *ландшафтного подхода* в военно-географических описаниях и картах. Начавшаяся в 1920–1930-х годах критика “деновщины” и “геттнерианства” возобновилась в отечественной географии сразу после войны. Она выразилась в обвинениях в формализме академика Л.С. Берга и академика А.А. Григорьева [19–21] и закончилась смертью первого и уходом в 1951 г. с поста директора Института географии второго. Эти скорбные события помешали в те годы устроить в стенах института политическое судилище, аналогичное печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Критики ограничились специальным заседанием учёного совета института, где громили учение Л.С. Берга о ландшафте и А.А. Григорьева о географическом процессе, то есть именно те подходы, которые способствовали военно-географическому обеспечению армии и тыла в годы войны.

Замечу, что Л.С. Берг стал перед войной президентом Географического общества СССР, сменив на этом посту арестованного в 1940 г. одного из лидеров довоенной академической географии академика Н.И. Вавилова. В 1945 г. Л.С. Берг, не смотря на реальную угрозу репрессий, в книге к 100-летию Географического общества на 10 страницах рассказал о репрессированном Н.И. Вавиллове как географе и президенте общества [22]. В 1933 г. Н.И. Вавилов провёл Первый всесоюзный съезд географов в Ленинграде, в Таврическом дворце. На его открытии он сказал, что “ещё никогда наша страна не нуждалась так в деталях и в то же время систематических географических знаниях...”. Именно Вавилову принадлежала инициатива передачи общества 16 апреля 1938 г. в АН СССР, он заявлял о готовности географов взять на себя многие направления военно-географического обеспечения армии и тыла в период войны, в том числе по изучению стратегических природных ресурсов.

* * *

Можно уверенно утверждать, что довоенная академическая география носила *мобилизационный характер*. Это было обусловлено внешними ограничениями развития страны в первые годы советской власти, необходимостью самостоятельно обеспечивать себя ресурсами в период восстановления хозяйства после Гражданской войны, индустриализации, которая проходила в условиях экономической и политической блокады. Именно эта направленность географических исследований сформировала алгоритм решения конкретных задач пространственного развития молодой республики и размещения производительных сил путём мобилизации ресурсов — природных и людских. На этой волне в 1918 г. был создан Институт географии как Промышленно-географический отдел при КЕПС — Комитете по развитию естественных производительных сил. Мобилизационный характер географии 1920–1930-х годов с крупными комплексными экспедициями в Якутию, Арктику, Среднюю Азию, Прикаспий, на Кольский полуостров, Памир позволил в начале Великой Отечественной войны оперативно включиться в прикладные исследования, картографические работы и полевые изыскания в районах нового освоения.

Можно считать вполне обоснованным предположение о том, что в период войны оформилось и новое направление географии — *география ресурсов*. В период его становления сложилось представление о стратегической природе ресурсов, которые в военное время требуются армии и тылу. Этот аспект истории географии был подмечен В.М. Котляковым и В.С. Преображенским [6] и исследователями истории отечественной гео-

графии [23]. Однако он не связывался напрямую с возвратом в период войны к отраслево-статистическому направлению экономической географии В.Э. Дена, которое было раскрытировано в 1930-е годы, когда утверждалась “районная школа” Н.Н. Баранского — фактически единственная официально принятая методология экономико-географических исследований в те годы.

В начале XX в. в России благодаря усилиям В.В. Докучаева шло становление комплексных основ географии, а за счёт распространения идей А. Геттнера и его последователей, в частности Л.С. Берга, в науку внедрялась хорологическая концепция, в соответствии с которой территория рассматривалась как синтетическая категория в рамках единой географии. Однако уже к концу 1930-х годов стал набирать обороты процесс дифференциации наук. Экономическая и физическая география размежовывались прежде всего на фоне “признания практического значения деятельности географов” [23]. Но именно тогда мобилизационный характер науки проявился в её участии в масштабном изучении Арктики, создании основ развития гидроэнергетики, сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства, ускоренном вовлечении минеральных ресурсов в экономику, в проектировании новых транспортных и промышленных узлов. География стала одной из востребованных практикой наук, а сама профессия географа — массовой. Это произошло на фоне острой политической дискуссии между “консервативной” физической и “прогрессивной” экономической географией, внутри которой также кипели страсти. Марксистско-ленинская идеология не допускала развития таких направлений, базирующихся на достоверной статистике и опросах населения, как демография, политическая и социальная география, а статистико-отраслевой подход в экономической географии, который получил развитие ещё в конце XIX в., был разрушен в угоду вполне оправданной для мирного времени с директивным управлением сверху “районной школе” Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского.

Бурное развитие мобилизационной географии проявилось в довоенные годы в создании новых научных и научно-производственных организаций географического профиля: Промышленно-географического отдела при КЕПС (1918, будущий Институт географии АН СССР), Гидрологического института (1919), Геоботанического института (1922), Почвенного института (1925), Института Севера (1925) и др. Кроме того, многие географы были приглашены в Госплан, где, например, начинал свою деятельность работавший во время войны заместителем директора Института географии АН СССР профессор В.Ф. Васютин, в СОПС и другие организации, отвечавшие за мобилизацию ресурсов для промышленности,

энергетики и транспорта и за пространственное развитие страны.

Уже на этапе перелома войны в 1943 г. экспедиция Института географии по мобилизации земельных фондов Казахстана составила “атласы по Казахстану и его земельным фондам в масштабе 1 : 5 000 000, в которых даны карты по размещению полезных ископаемых, промышленности, основных условий, состояния и природных ресурсов для развития с.х. Казахстана” [14, с. 10]. Другая экспедиция — по выявлению возможностей промышленного развития восточных районов СССР во главе с В.Ф. Васютиным — практически для каждого района, промышленного узла и населённого пункта определяла на фоне географических черт территории её обеспеченность ресурсами: водными, топливными, строительного сырья, рудными, для развития транспорта и пр. Так, М.И. Помус и Д.Р. Богорад составили краткие, но содержательные экспертные оценки обеспеченности стратегическими ресурсами Омской области, Н.И. Шишкин — Урала, Н.Ф. Пришлепцов — Поволжья. Л.Г. Каманин и К.К. Марков оценили природные условия и ресурсы вдоль “возможного Северо-Сибирского направления трасс магистрали” [14, с. 30], а Карагинская экспедиция под руководством С.Ю. Геллера провела детальную оценку “химико-энергетического использования” бессточных впадин Караги и Ащисор при пропуске в них каспийской воды. Здесь планировалось получать до 1 млн. т сульфата, до 250 млн. квт · ч электроэнергии и за счёт её использования — до 10 000 т металлического магния.

Создание ресурсной базы для советской промышленности в первые десятилетия после 1917 г. шло с активным участием географов, так как была поставлена чисто мобилизационная задача оптимизации размещения промышленности в соответствии с *рациональным использованием ресурсов*. А уже в планах ГОЭРЛО и при формировании так называемых районов Госплана [23] всё было подчинено организации территориального планирования с порайонной специализацией (природные ресурсы, трудовые ресурсы, географические условия и положение). Предполагалось, что такая методологическая основа позволит районной научной школе обеспечить создание к началу войны мощной инфраструктуры мобилизации ресурсов для нужд фронта и тыла. И такая инфраструктура была создана, но не районной школой, а благодаря заложенной в первое послереволюционное десятилетие, в том числе школой В.Э. Дена, теоретической базе. Но лидерами экономической географии в стране оставались Н.Н. Баранский и Н.Н. Колосовский. Последний в 1942 г. получил государственную премию за работу “О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны”.

Востребованность мобилизационной модели географии в первые месяцы войны была, в част-

ности, связана с прямой стратегической ошибкой тогдашнего лозунга “Бить врага на его территории!”. Экономгеографы не нашли достаточных аргументов для другого сценария, хотя по опыту первых лет Второй мировой войны (1939–1941) было понятно, что в случае вступления в войну СССР получит глубокий фронт и предмет географии ресурсов должен распространиться на Урал и Сибирь. К.К. Марков [19, 20] в 1943 г. отмечал, что Великая Отечественная война имела большую глубину с исключительно высокими требованиями к тылу, для её ведения были необходимы значительные стратегические ресурсы [12, 17]. Таким образом, для успешного ведения войны был важен не только театр военных действий, но и география сырья.

Это отчётливо понимали сотрудники Института географии АН СССР, участвовавшие в работах по военно-географическому обеспечению армии и тыла. Ю.К. Симонов, подготовивший объёмную “Историю географии в Московском университете...”, обратил внимание на становление в период войны географии природных ресурсов как самостоятельной науки [18]. Он писал: “Очень важным оказался контакт географического факультета с Институтом географии Академии наук. В годы войны, когда стране потребовались знания о наших природных ресурсах и их размещении на территории нашей страны, правительство обратилось не к университету, а к Академии наук” [18, с. 143]. Сразу после войны это направление получило развитие в Институте географии АН СССР. Здесь в 1950-х годах была начата подготовка 15-томной серии “Природные условия и естественные ресурсы СССР”, изданной уже в 1963–1972 гг., а в 1962 г. в Ленинграде был проведён 3-й съезд Географического общества “Роль географии в изучении, охране и восстановлении природных ресурсов СССР”. Становление нового направления в географии, инициированного в период войны, завершилось.

* * *

Методологической основой военно-географического обеспечения армии и тыла в годы войны стал *ландшафтный подход*. К сожалению, роль и место ландшафтного подхода в географии военного времени, особенно учения Л.С. Берга о ландшафте и учения А.А. Григорьева о физико-географическом процессе, в комплексном военно-географическом картографировании для оборонительных и наступательных целей армии, мобилизации ресурсов, в первую очередь пространственных (размещение эвакуируемых производств и населения), людских, земельных и минеральных, за 70 послевоенных лет так и не были оценены по достоинству. Большинство исследователей роли географии в обеспечении Победы воспринимали

ландшафтную основу как данность, хотя и до и после войны в СССР хронологическое направление А. Гёттнера и развивающее его учение о ландшафте Л.С. Берга подвергались постоянной критике. А.Г. Исаченко пишет: “Уже в конце 1930-х годов на географическом факультете ЛГУ явственно ощущался непререкаемый авторитет Л.С. Берга, и идея географического ландшафта получила всеобщее признание у специалистов разных отраслевых дисциплин” [24, с. 26]. И далее: «...ещё при жизни Л.С. Берга его учение сопровождалось интеграцией в системе физико-географических наук, и между этими процессами не могло быть противоречий в дальнейшем, если не считать отдельных “наскоков” на ландшафтоведение, в частности, со стороны И.П. Герасимова, который, впрочем, быстро осознал свою ошибку» [24, с. 27].

Великая Отечественная война всё расставила по своим местам: и в Москве, в Институте географии АН СССР, и в блокадном Ленинграде, в НИИ географии (НИИГ) при Ленинградском университете, и в штаб-квартире Всесоюзного географического общества для выполнения заданий военного времени специалисты двух “крыльев” географии объединились, чем на практике продемонстрировали единство географии и её страноведческую основу. Оборонное и мобилизационное направления географической науки подразумевали интеграцию и межотраслевой синтез – ландшафтное картографирование, ландшафтный подход в составлении комплексных военных карт (обзорных, специальных, крупномасштабных на основе детальной оценки природно-территориальных комплексов), а также составление военно-географических справочных описаний – от описания стран и крупных регионов (театров военных действий, территорий фронтов, эвакуационных округов тыла) до отдельных районов, мест действия оборонительных и наступательных сил.

К этим практическим проявлениям ландшафтной сути географии могут быть отнесены крупные работы географов в области мобилизации стратегических ресурсов тыла для обеспечения фронта [25], в первую очередь ландшафтные оценки земель Казахстана, юга Урала и Сибири, и для создания новых районов зернового хозяйства – будущей целины [4, 5, 10]. Мобилизация земельных фондов Казахстана шла на основе детального комплексного картографического анализа территории республики: “По заданию Совнаркома СССР и Совнаркома Казахской ССР Казахская экспедиция Института географии АН СССР изучала земельные фонды и их использование с целью изучения вопроса о мобилизации ресурсов на нужды обороны и выявления резервов для расширения земледелия и увеличения поголовья скота в Казахстане” [14, с. 7]. Руководили работами академик А.А. Григорьев и профессор

П.В. Погорельский при научном сопровождении и обеспечении картографирования профессора К.К. Маркова. Отчёт по теме “Естественные кормовые ресурсы Казахстана”, составленный в 1943 г. известным геоботаником, последователем индикационной школы Л.С. Раменского Л.Н. Соболевым, включал такие комплексные картографические сюжеты, как “Типы естественных кормовых угодий”, “Природное районирование с описанием естественной кормовой базы”. Среди карт Казахской ССР М 1 : 1000000 и М 1 : 2000000, составленных Алмаатинской группой института в 1942–1943 гг., выделим карты природных районов, условий сельскохозяйственного водообеспечения, распределения естественно-кормовых угодий и земельных фондов.

Ландшафтный подход проявился в синтезе результатов Талгарской геоморфологической экспедиции, общее руководство которой осуществлял А.А. Григорьев, а начальником был Г.А. Авсюк. В составе экспедиции работали М.С. Калецкая, С.Н. Матвеев, М.И. Иверопова, М.А. Глазовская, В.М. Кузнецов. По результатам исследований 1942–1943 гг. была составлена геоморфологическая карта Юго-Восточного Казахстана М 1 : 1000000 и карты отдельных горных территорий Тянь-Шаня и Алтая М 1 : 500000, которые обеспечили основу решения различных практических задач, связанных с освоением и пересечением горных районов [44, с. 32].

Наиболее полно ландшафтный подход был реализован при составлении военно-географических описаний, подготовка которых шла в Институте географии под руководством В.Ф. Васютина и К.К. Маркова. Именно с позиций ландшафтного анализа в 1943 г. для Военно-воздушных сил были подготовлены описания направлений: северного (Кольский п-в, Норвегия, Финляндия и др.), западного (Московско-Смоленская равнина, Белоруссия, Полесье, Север Польши и Германии), юго-западного (Окско-Донская равнина, Среднерусская возвышенность, Правобережная и Левобережная Украина, Карпаты, Центральная Польша, Чехия, юг Германии), южного (Кавказ, Крым, нижний Дунай, юг Украины, Венгрия, Румыния), закавказского театра военных действий (Сирия, Ирак, Иран, Турция, Закавказье), Большого Кавказа, Дальнего Востока (советский Дальний Восток, Корея, Северный Китай, Монголия). Можно отметить, что типовое содержание физико-географической части описаний включало, помимо описания рельефа, вод, почв, растительности и аэроснимков, так называемые общий очерк и общую оценку, которые рассматривались как ландшафтный синтез представленных описаний. Ландшафтный характер придавало им участие в этих работах геоморфологов, гидрологов, геоботаников, почвоведов, среди которых А.С. Кесь, Н.В. Думитрашко, Е.М. Лаврен-

ко, А.М. Семёнова-Тян-Шанская, К.К. Марков, Н.Н. Розов, И.П. Герасимов, Ю.А. Ливеровский, А.В. Живаго, А.Г. Доскач, Ф.П. Саваренский. Для военно-географических описаний прифронтовых территорий составлялись серии карт – почвенно-ботанических, элементов проходимости, условий передвижения, условий маскировки, природных рубежей. Знакомство с этими картами, хранящимися сейчас в архиве и музее Института географии РАН, показывает, что они представляют собой ландшафтные карты [14, с. 48]. Иногда ландшафты, их описания и карты включались в “специальный раздел” с условиями проходимости, распутицей, естественными рубежами, санным путём, условиями высадки десанта, взлётно-посадочными условиями горизонтальной видимости по сезонам. Среди военно-климатических материалов, выполненных в институте, имеется “Альбом ландшафтных карт сезонных изменений цветности фона главнейших растительных покровов Европейской части СССР”, составленный В.И. Долгошовым в 1943 г. для нужд военной маскировки [14, с. 61]. Ландшафтными в своей основе были и карты снежного покрова, составленные в период войны Г.Д. Рихтером.

Все направления деятельности и исследований, объединённых под названием “Географическое дешифрирование аэрофотоснимков”, полностью базировались на концепции ландшафта. Например, В.С. Волинская и А.В. Живаго в 1942 г. разработали специальное методическое пособие для армии “Географический ландшафт и аэрофоторазведка”, которое включало такие главы, как “Зависимость маскировочных мероприятий от ландшафта” и “Дешифровочные характеристики географических ландшафтов”. В том же году в институте были подготовлены альбомы, получившие название “Ландшафты территории фронта”, отдельно для зон тайги, смешанного леса, лесостепи и степи, содержавшие сведения о специфике компонентов зональных ландшафтов.

В деятельности специальной группы военно-географического картографирования под руководством профессора И.П. Герасимова использовалась новая методика комплексной, или ландшафтной, картографии, применявшаяся при составлении учебных карт и карт различного хозяйственного назначения. Об этих картах подробно написано в статье В.С. Преображенского и Т.Д. Александровой [26]. Карты ландшафтов территории фронта, элементов проходимости составлялись в соответствии с методологией ландшафтной концепции Л.С. Берга и представлениями А.А. Григорьева, навязанная методология научно-дисциплинарного деления географии не принималась в расчёт.

Именно в период Великой Отечественной войны проявилась острая востребованность гео-

графических знаний и ландшафтного подхода с их универсальным характером и возможностями *пространственного анализа* общественных и физико-географических объектов и процессов, имеющих региональную дифференциацию. Для СССР тогда, а для России сегодня остаётся актуальным соотношение предметов изучения физической или экономической географии с ландшафтной структурой территорий. Об этом убедительно пишет А.Г. Исаченко [24, 25, 27], рассуждая о ландшафтном подходе и об оптимизации географостатистических исследований при попытках пересчитать в системе “мезоландшафтного районирования” статистических данных, полученных для территориальных единиц административного деления, что приходилось делать сотрудникам Института географии АН СССР период войны.

* * *

Задачи географии состоят в междисциплинарном анализе прошлого, современного и будущего состояния природы, населения и хозяйства и в установлении закономерностей взаимодействия общества и географической среды, позволяющих обосновать рациональную территориальную организацию природопользования, стратегию развития страны и её регионов [1].

В военные годы география, с одной стороны, оказалась востребована как область профессиональной научной и практической деятельности, с другой стороны, в то время она располагала весьма ограниченным арсеналом технических средств для оперативного изучения и картографирования территорий, была отстранена от получения важной статистической информации. Целый блок географических данных, например, по инфраструктуре ГУЛАГа, демографии, вообще не поступал в распоряжение географов, хотя имел существенное значение и для фронта и для тыла. Кроме того, в предвоенные годы усилились идеологические и политические нападки на лидеров академической географии академиков Н.И. Вавилова, Л.С. Берга и А.А. Григорьева. Несмотря на это, именно академическая география заняла ведущие позиции в обеспечении фронта и тыла военно-географической информацией и специальными картами. Она выполняла важный социальный заказ общества — создавала условия эффективного вовлечения территории и её стратегических ресурсов в дело Победы. При таком понимании места географической науки её инновационная и интеграционная составляющие строились не на приращении теории и технологий, а благодаря сложившемуся ещё до войны единству географической науки, комплексному характеру её исследований.

Во время войны были заложены основы новых тенденций в отечественной географии, которые

вылились в новую методологию познания пространственной организации природы, хозяйства и населения. Они вновь оказались востребованными в условиях послевоенного восстановления хозяйства, “железного занавеса” и централизованной экономики. Развитие получили такие синтетические направления географии, как география природных ресурсов, территориальное планирование, региональное развитие. Наконец, именно в период войны очевидной стала необходимость использования в географических исследованиях новых методов, в том числе аэросъёмки и дешифрирования, которые позволяли оперативно оценивать и картографировать состояние ландшафтов. Тогда же закладывались основы будущих планов пространственного развития страны [28], шло становление военной географии, географии ресурсов, промышленности, транспорта, географии населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляков В.М., Тишков А.А.* Стратегия устойчивого развития России в начале XXI века: инновационные векторы и место географического прогноза // *Инновации*. 2009. № 9.
2. *Абрамов Л.С.* Советская география в Великой Отечественной войне // *Известия АН СССР. Серия географическая*. 1985. № 2.
3. *Абрамов Л.С.* Географическая наука — Победе // *Известия РАН. Серия географическая*. 1995. № 2.
4. *Григорьев А.А.* Институт географии АН СССР в дни Отечественной войны // *Вестник АН СССР*. 1943. № 7—8.
5. *Григорьев А.А.* Советская география и война // *Известия ВГО*. 1944. Т. 76. Вып. 1. С. 10—20.
6. *Котляков В.М., Преображенский В.С.* Академическая география — Вооружённым силам (1941—1944 годы) // *Известия РАН. Серия географическая*. 1995. № 2.
7. *Преображенский В.С., Александрова Т.Д.* Комплексные военно-географические карты: 1941—1944 гг. Опыт академического специального картографирования // *Известия РАН. Серия географическая*. 1995. № 2.
8. *Ферсман А.Е.* География на службе войны // *Наука и жизнь*. 1942. № 11—12.
9. *Герасимов И.П., Кесь А.С.* Опыт составления комплексных географических карт // *Труды 2-го съезда Географического общества СССР*. Т. 1. М.: 1948. С. 348—355.
10. *Доскач А.Г., Кесь А.С., Назаровский О.Р., Помус М.И.* География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // *Известия АН СССР. Серия географическая*. 1975. № 3.
11. *Кесь А.С.* Работы межинститутской группы Академии наук СССР // *Вопросы географии* 1985. Сб. № 128.
12. *Марков К.К.* Воспоминания и размышления географа. М.: Изд-во МГУ, 1973.

13. Советские географы – фронту и тылу (1941–1945 гг.) // Вопросы географии. 1985. Сб. № 128.
14. Список работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941–1943 гг.). Рукопись / Составитель Коган С.М. Архив ИГ РАН. Инв. № 4249.
15. Институт географии и его люди. М.: Наука, 2008.
16. *Ефремов Ю.К.* Из опыта военно-географического обслуживания фронта. Советские географы – фронту и тылу // Вопросы географии. 1985. Сб. № 128. С. 77–83.
17. *Марков К.К.* Военная география // Известия ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 3.
18. *Симонов Ю.Г.* История географии в Московском университете: события и люди. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 2013.
19. *Витязева В.А.* Об основных вопросах географической науки // Вестник АН СССР. 1950. С. 95–98. <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=b6d36438-4d2a-4545-8227-7afc71e84441>
20. *Тишков А.А.* Люди нашего племени. Очерки об учёных – учителях, коллегах, друзьях. М.: Институт географии РАН, 2012.
21. *Тишков А.А., Мурзаева В.Э.* Пространство, время и люди – главные герои жизни Э.М. Мурзаева // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 2.
22. *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. 1946.
23. *Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н.* История географии. Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
24. *Исаченко А.Г.* Учение о ландшафте, его интерпретационный и методологический потенциал // Вопросы географии. 2014. Сб. № 138.
25. *Исаченко А.Г.* Страницы из истории советской географии тридцатых–пятидесятых годов XX века. К 125-летию Л.С. Берга и 100-летию С.В. Калесника // Известия РГО. 2001. Т. 133. Вып. 1.
26. *Александрова Т.Д.* Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968). Отв. ред. Котляков В.М. М.: Изд-во КМК, 2011.
27. *Исаченко А.Г.* О единстве географии // Известия ВГО. 1971. Т. 103. Вып. 3.
28. *Артобалеvский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я. и др.* Стратегия пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 3.